

ОТНОШЕНИЯ КНР – США: ДИАЛОГ НОВЫХ АДМИНИСТРАЦИЙ

© 2014 г. **С.М. Труш***

Институт США и Канады РАН, Москва

Новая модель отношений КНР и США пока не наполняется конкретным содержанием. Встречи в рамках «Стратегического и экономического диалога» в 2013 г. привели к ряду ощутимых договоренностей в экономической, меньше в военной сфере. Перенос Соединёнными Штатами акцента в АТР реально ущемил стратегические интересы Китая. Гипотетически война возможна, хотя для реализации военного сценария нужно особое сочетание конфликтных мотиваций сторон. Это сочетание пока не просматривается.

Ключевые слова: *американо-китайские отношения, стратегический и экономический диалог КНР – США, военный потенциал КНР, модернизация экономики КНР, перенос США акцента в АТР, территориальные конфликты в Восточной Азии.*

Период, прошедший после выборов 2012 г., был богат на события в китайско-американских связях. Первопричиной для этого во многом стала смена или «новый цикл» политического руководства в обеих столицах. Накопившаяся инициативная энергетика обоих лидеров, замены во внешнеполитической команде, её естественное желание обновить или продвинуть повестку дня, неожиданные или трудно предсказуемые события (типа «дела Сноудена») – все эти факторы сыграли свою роль.

Диссонанс между масштабными экономическими связями, с одной стороны, и отношениями в военной сфере, в сфере безопасности с другой, продолжал сохраняться. Если для первых был характерен поиск компромисса, новых областей взаимодействия и ориентация на адаптивность моделей развития, то для вторых оставались традиционные и назревали новые противоречия; низкий уровень стратегического доверия приводил к всплескам спорадической конфликтности.

Неформальные диалоги и формальные договорённости

Саммит двух лидеров в Калифорнии в июне 2013 г. несомненно стал главным событием двусторонних связей. По версии прессы, Си Цзиньпин быстро согласился на инициативу провести такую встречу, прозвучавшую с американской стороны. До этого лидер КНР «без неожиданностей», в штатном режиме прошёл необходимые для своего статуса государственные назначения в марте 2013 г. Первая зарубежная поездка Си Цзиньпина демонстративно была начата визитом в Россию. Китайский лидер несомненно был сильно мотивиро-

* ТРУШ Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИСКРАН. E-mail: zebra758@gmail.com

ван к стартовой – «установочной» – встрече с Б. Обамой в статусе «первого лица», и обе команды имели к этой встрече свои наработки.

Китайский и американские лидеры провели двухдневный саммит без формальной повестки дня, с минимумом протокольных мероприятий и без подписания документов. Главной задачей встречи был максимум неформального общения и налаживание личного контакта. В общей сложности Си Цзиньпин и Б. Обама общались около 8 часов. Из непространных общений лидеров и членов делегаций с прессой можно было сделать три главных вывода:

- 1) Оба лидера считают саммит весьма плодотворным и «сближающим».
- 2) Переговоры коснулись максимально широкого круга вопросов.
- 3) Стороны пришли к необходимости создания «новой модели» отношений.

Б. Обама и Си Цзиньпин условились о том, что выбранный формат встреч «один на один» целесообразно продолжить, и следующую встречу было условлено провести в Пекине с «открытой датой».

Незадолго до саммита, американская пресса опубликовала материалы, содержащие обвинения в адрес Китая в том, что Пекин ведёт активную деятельность против США в киберпространстве.

Цель этой деятельности, по версии американских СМИ, – не только государственный, но и промышленный шпионаж, кража производственных секретов американских корпораций, личных данных американцев. Параллельно с этим были обнародованы разоблачения бывшего служащего ЦРУ Р. Сноудена, свидетельствующие о широкой программе прослушки и электронного шпионажа «Призм», проводимой АНБ США. Объектами этой прослушки стали электронные коммуникации глобального масштаба, включая Китай, Россию, европейских союзников США. Тема кибершпионажа приобрела особое значение в ходе саммита. По её результатам стороны создали рабочую группу по кибершпионажу в рамках Стратегического и Экономического Диалога КНР и США.

«Новая модель отношений» – пока, несомненно, риторическая конструкция. Никаких содержательных положений на эту тему озвучено не было.

В истории китайско-американских отношений, в том числе и в последние десятилетия, не раз было так, что самые благостные и судьбоносные «прорывы», которых удавалось достичь на саммитах, через день сменялись острыми кризисами и сложнейшими конфликтными ситуациями. Вместе с тем эта риторика бесспорно отражает стремление двух лидеров к тому, чтобы их связи – столь разнообразные по объёму и разношёрстные по вектору конфликтности – приобрели более стабильный, контролируемый характер.

Основываясь на нынешнем уровне знаний о «ткани» и проблемах отношений, можно лишь поразмышлять о том, какие цели Б. Обама и Си Цзиньпин стремятся реализовать в этой модели.

Во-первых, хотелось бы достигнуть контроля над конфликтностью, выработать «правила игры», кодекс поведения, в рамках которого острые противоречия сторон, в первую очередь в военной, ракетно-ядерной, геополитических сферах не переросли в войну. Перенацеливание США в Восточную Азию, рост морской активности КНР, развитие ракетно-ядерного потенциала НОАК, планы США по региональной ПРО с участием Японии, Кореи и Австралии, территориальные конфликты в китайских морях, тревожная концентрация ракетных сил КНР в Тайваньском проливе, обострившиеся в последнее время взаимные угрозы киберпространству – все эти и многие другие факторы непредсказуемы для последующей эскалации: сценарий, который необходимо держать под контролем.

Во-вторых, экономическая взаимозависимость, макроэкономическая связка между КНР и США достигли беспрецедентных масштабов. Полутриллионный оборот торговли, роль КНР как ведущего иностранного кредитора госдолга США, переплетение производственных цепочек, международное разделение труда, активное инвестирование, приобретающее двусторонний характер – все эти параметры отношений дальше не могут развиваться стихийно, бесконтрольно. Они должны каким-то образом регламентироваться.

В-третьих, в последние годы обе стороны сделали твёрдый акцент на расширении гуманитарного, человеческого аспекта отношений. Глобализация и информатизация, обширные связи в экономике идут параллельно с расширением межсоциальных, образовательных, культурных контактов. Расширяя двусторонние человеческие и гуманитарные обмены оба правительства стремятся повысить уровень доверия, купировать идеологические стереотипы и культурно-ценностные барьеры в общении. Эти барьеры – одна из очевидных непреодоленных пока проблем отношений.

В-четвёртых, оба партнёра несомненно хотят усилить глобальное сотрудничество КНР и США в вопросах нераспространения, экологии, климата, международного терроризма, энергетической и продовольственной безопасности. В этом направлении они испытывают не только «внутренний» запрос и потребности, но и запрос международного сообщества.

Необходимо отметить, что нацеленность сторон на договорённости и продвижение сотрудничества в ходе саммита была во многом продиктована внутренним контекстом обеих стран. Б. Обама определённо находился под прессом проблем спада экономики, бюджетного дефицита и госдолга, сокращения государственных программ, включая оборонные, трудностей продвижения реформ в области здравоохранения (*Obamacare*), состоявшегося вывода войск из Ирака и грядущего из Афганистана.

Гнёт этих проблем не располагал к жёсткому негативному «активизму» в адрес КНР. В ходе предвыборной президентской гонки 2012, Б. Обама в отличие от М. Ромни показал себя стойким приверженцем развязывания «проблемных узлов» с Китаем, продемонстрировал понимание важности этих отношений, стремление создавать для них новые перспективные сферы взаимозависимости.

Со своей стороны Си Цзиньпин отталкивался от не менее проблемных рисков китайской экономики: замедление темпов роста, сокращение мирового спроса на китайский экспорт, перестройка модели развития, удорожание рабочей силы, политические риски урбанизации, старение населения. В Китае явно проявлялся внутриэлитный конфликт и дискуссия по поводу перспективных путей развития экономики и общества, налицо были серьёзные внутривнутриполитические трения (дело Бо Силая). В этом контексте перспектива сохранения доступа и параметров западного и американского рынка, контролируемая конфликтность, были жизненно важны для китайских планов внутреннего развития и стабильности. Кроме того, Си Цзиньпин в отличие от предыдущих поколений китайских лидеров в частности Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао имел в своём послужном списке более существенный американский «бэкграунд»: опыт повседневного общения с американскими экономическими партнёрами на предыдущих постах в Даляне и Фуцзяне; акцентируемый им знаковый визит в Айову в 1985 г. и позитивные личностные контакты с американцами в прошлом; дочь, обучающаяся в Гарварде.

При этом необходимо понимать, что структуры интересов для формирования «новой модели» отношений в обоих мегасоциумах – США и КНР – многоплановы и не могут быть однородными. Если говорить об Америке, то в её политическом классе можно говорить как минимум о двух группах интересов. Первая из них базируется на крупном наукоёмком бизнесе общегражданского направления: бытовая электроника и телекоммуникации, энергетическое оборудование, авиационное и транспортное машиностроение, биотехнологии и фармацевтика, сельское хозяйство, а также сфера образования, университетские сообщества. Для этих сфер экономики и общества, кровно заинтересованных в прочной связке с китайским социумом, центральное значение имеют вопросы взаимодействия с ним по понятным американцам «правилам игры». Центральными элементами «модели отношений» тогда становятся пунктуальное «исполнение» китайцами правил и регламентов ВТО, свобода инвестирования, равные условия конкуренции для иностранных корпораций в том числе и с китайскими госпредприятиями, доступ на рынок госзакупок КНР, либерализация финансового рынка, доступ к нему банков США, усиление контроля над интеллектуальной собственностью. В таком более или менее либеральном понимании модели отношений нет какого-либо отчётливого политико-идеологического компонента, она мало обращена к особенностям и характеристикам политического режима КНР, «коммунистической тирании», нарушению прав человека и т.п.

Другой сегмент американского бизнеса и политического класса – крупная оборонная и аэрокосмическая промышленность, энергетические компании, делающие свой бизнес не в Китае, а скорее на «китайской угрозе», в том числе и в обеспечении военных контрактов внутри США, на Тайване и в странах АТР – несомненно видит «модель» будущих отношений с Китаем в более жёстких, идеологически окрашенных, тонах. К ним примыкают многие сегменты малого и среднего бизнеса, наиболее остро страдающие от конкуренции с китайскими производителями на внутреннем рынке, несущие на себе основное бремя безработицы и сокращения реального производства. Для них центральное место имеют не транспарентность китайского бизнеса и экономики, а скорее правила игры и регламенты поведения КНР на международной арене, жёсткие критерии доступа на американский рынок, стандарты ВТО, предотвращение кражи американских технологий, и, разумеется, «права человека», борьба с «коммунистической тиранией». Такая модель, понятно, мало приемлема для Китая.

Если обращаться к Китаю, его видению перспектив двусторонних отношений, то там налицо свои разделительные линии. Это – условно говоря, дихотомия между внутрибюрократическими группировками «экономистов» и «силовики», равнодействующая между которыми и определяет вектор американской политики КНР. Для экономистов присущ более толерантный, компромиссный подход к США, тенденция на широкое привлечение конкретного опыта и инструментария американской экономической модели, разумеется без бездумного копирования, довольно либеральный подход к правилам и процедурам присутствия американского бизнеса внутри китайского рынка.

Другой полюс – «силовики», концентрирующиеся вокруг высшего офицерского корпуса НОАК, вкупе с топ-менеджментом крупных госпредприятий и госкорпораций, функционирующих во многом по нерыночным, госмонопольным принципам хозяйствования и ориентированным на внутренний рынок. Для них по определению и в силу их функциональной принадлежности, и в силу оче-

видных корпоративных интересов, США – серьёзный системный конкурент и объект для противодействия.

Интересы этого корпоративного сегмента в политическом классе КНР наиболее явно отражают эксперты-«реалисты». Как и «реалистов» во всём мире, их отличает акцент на сильном государстве в условиях непредсказуемости мировой обстановки, максимизация «комплексной мощи» страны в совокупности её «жёсткого» и «мягкого» компонента. Янь Сюетун из Университета Цинхуа – наиболее яркий представитель этого крыла аналитиков. Эксперт твёрдо заявляет, что «военный потенциал, который не используется, не может считаться потенциалом. Это равнозначно тому, что если деньги не тратятся – они не деньги». Он также считает, что Китай должен непосредственно использовать свои финансовые активы в США, чтобы препятствовать поставкам вооружений на Тайвань, а в отношении американских корпораций, участвующих в этих сделках, должен незамедлительно вводиться режим санкций» [8]. Другой китайский аналитик-«реалист» при обсуждении вопроса о будущем Китая как «ответственной» мировой державы – к вопросу о «модели отношений» – высказался не менее красноречиво: «Ответственной перед кем? По каким критериям? По американским? Никогда» [5].

Саммиты лидеров предназначены для того, чтобы решать проблемы и находить компромиссы, больше чем генерировать новые противоречия. Встреча в Калифорнии предопределила общую конструктивную тональность отношений, их направленность на компромисс и поиск развязок в острых темах. Вскоре после саммита, не предусматривавшего подписания документов и фиксации конкретных договорённостей, состоялся очередной раунд Стратегического и Экономического Диалога (СЭД) КНР и США. СЭД – высококорейтинговый механизм общения двух бюрократий. Этот формат, в отличие от саммита, предполагает предметные переговоры, фиксацию позиций и договорённостей, детальные коммюнике. В нём ежегодно участвуют главы всех профильных министерств и ведомств двух стран – более 20 министерских «первых лиц» от каждой из сторон.

Диалог разведён на две «корзины» проблем. К «стратегической» корзине отнесён широкий спектр вопросов, в целом относящихся к проблематике безопасности в расширительном понимании этого термина, политико-стратегическим аспектам отношений. В рамках стратегического диалога функционирует свыше 90 (!) различных межведомственных комиссий, рабочих групп, других переговорных механизмов, в том числе по вопросам стратегической стабильности, ядерного нераспространения, мониторингу активности в Мировом океане, взаимодействию по региональным конфликтам, по проблемам сотрудничества в сфере противодействия терроризму, вопросам иммиграции и таможенного регулирования, прав человека. Стратегическая «корзина» включает в себя и взаимодействие в области энергетики, обмен информацией по вопросам «нетрадиционных углеводородов» (сланцевый газ), совместные меры по предотвращению чрезмерной волатильности энергетических рынков.

Переговоры по собственно военным аспектам «стратегической корзины», проблематике безопасности, если судить по итоговому коммюнике, не были особенно результативными. Документ зафиксировал создание рабочей группы по кибербезопасности, о которой договорились Си Цзиньпин и Б. Обама на июньском саммите. Формулировки, определяющие компетенцию этой рабочей группы и «вводные» для её работы в будущем, оставляют сильное впечатление того, что эта договорённость была «продавлена» американцами.

Было подчёркнуто стремление продолжать «диалог по стратегической стабильности» на неформальной основе. Визиты замглавы Пентагона Д. Миллера и заместителя госсекретаря Д. Бёрнса в Пекин соответственно в сентябре 2013 г. и январе 2014 г., как представляется, реализовывали это стремление.

Пожалуй, следует упомянуть пункт коммюнике об установлении «горячей линии» связи между «специальными представителями двух президентов» [6]. Создаётся технология «кризисной коммуникации», что само по себе – факт отрядный.

В отличие от «стратегического», диалог по вопросам экономической корзины показывает, что за «отчётный период» стороны проделали немалый путь навстречу друг другу. Явным прогрессом стало согласие КНР обсуждать Договор о правилах взаимного инвестирования (*Bylateral Investment Treaty*). Заключение договора расширит доступ американских компаний к различным сферам бизнеса в КНР. Также было зафиксировано обязательство КНР либерализовать систему государственных закупок – важнейший сегмент внутреннего рынка, постепенно допуская туда иностранных поставщиков. Было объявлено о подготовке промежуточного соглашения такого рода в рамках правил ВТО. Американцы были весьма удовлетворены и уступками китайской стороны в вопросе о равном доступе и тарифах для китайских и иностранных предприятий на землю, воду, электроэнергию [9]. Это осложняло бы скрытое субсидирование китайских производителей.

Итоговое коммюнике по экономической корзине СЭД свидетельствует о том, что КНР постепенно открывают рынок финансовых и других услуг для иностранных компаний. Объявлено, что в экспериментально-тестовом режиме это произойдёт в специально создаваемой зоне свободной торговли в Шанхае. В жанре «протокола о намерениях» были зафиксированы пункты о допуске иностранных банков и паевых фондов к покупке гособлигаций КНР. Кроме того иностранным фирмам было разрешено выступать в качестве гарантов («андерайтеров») ценных бумаг ряда крупных предприятий КНР. В коммюнике говорилось о конкретных налоговых мерах по стимулированию внутреннего спроса КНР, либерализации интернет-торговли.

Важным моментом зафиксированным в ходе договорённостях СЭД было улучшение коммуникации между разветвленными бюрократиями КНР и США. Стороны договорились внедрить своего рода практику «одного окна» в процесс согласования экономических проблем. Согласно этой практике, ведомство Торгового представителя США (*USTR*) будет иметь возможность «в любое время» представить своему китайскому визави – Министерству коммерции КНР – претензии и вопросы по поводу любых нормативных документов и реальной практики любых китайских ведомств, которые, по мнению американской стороны, противоречат договорённостям между КНР и США. Министерство коммерции далее само сносится с соответствующими китайскими ведомствами, осуществляя внутреннюю координацию по заявленной проблеме [9].

Со своей стороны, США также брали на себя обязательства по регулированию своей экономики и двустороннему взаимодействию, что было зафиксировано в документах СЭД-2013. Так, США соглашались не останавливаться на уже достигнутой планке в 2,5 трлн. долл. в снижении госдолга, провести дополнительный секвестр федерального бюджета сверх уже осуществлённых сокращений. Соединённые Штаты принимали на себя обязательство снижать долю госдолга относительно ВВП, доводя её до уровня 2% в 2020 г. На фоне преобразований по оживлению внутреннего рынка, преодолению диспропорций

во внутреннем потреблении, усилению социальной политики и повышению занятости, предписанных Китаю, США, сообразно своим «болевым точкам», должны были предпринять шаги, направленные на увеличение инвестиций и доли накоплений у населения.

Однако большую адресность для Китая имели меры по либерализации импорта американского «хай-тека» для гражданских нужд КНР, а также шаги по снятию лишних препон для китайских инвесторов в США. В коммюнике СЭД-2013 США зафиксировали обязательство, согласно которому, единственным основанием для отказа при рассмотрении китайских заявок в Комитете по иностранным инвестициям в США (*CFIUS*) могут быть лишь соображения национальной безопасности, а не экономические или политические мотивы [10].

Таким образом, характер взаимных обязательств и договорённостей, зафиксированных по итогам раунда СЭД в 2013 г., отражает усиление компромиссной, адаптивной тональности экономических отношений, сложившейся под воздействием встречи в Калифорнии. В двухсторонних документах стали наблюдаться более внимательное, толерантное и четкое понимание различий моделей экономического развития двух стран, нацеленность на их взаимную подстройку, притирание друг к другу. Импульсы такого рода были заметны с обеих сторон.

В Китае эти настроения были созвучны доминирующей тональности общеэкономической дискуссии в стране.

Большой резонанс как внутри КНР, так и за рубежом получил доклад «Китай-2030», который был обнародован в начале 2012 г. Доклад появился в рамках работы совместного двухгодичного проекта группы экспертов-экономистов и Всемирного банка с одной стороны, и Центра исследований и развития Госсовета КНР с другой. Последний, следует отметить, считается одним из наиболее авторитетных «мозговых трестов» в вопросах экономики и государственного строительства в китайском истеблишменте [4].

Почти 500-страничный доклад – своего рода «дорожная карта» реформирования китайской экономики на ближайшие 15 лет. В качестве главной рекомендации авторов доклада выступает неуклонное и обязательно управляемое переформатирование экономической роли государства, его дозированный уход из большинства «несистемообразующих отраслей».

«По мере того, как технологии раздвигают границы возможностей, а способы получения этих технологий извне сужаются, – отмечается в докладе, – меняется роль государства. Его взаимосвязь с рынком и частным сектором нуждается в кардинальных изменениях. Предоставляя всё меньше материальных общественных благ и услуг напрямую, государству будет необходимо предоставлять обществу всё больший объём общественных благ нематериального характера в виде систем, правил и процедур, которые будут способствовать эффективности производства, стимулировать конкуренцию и специализацию, ресурсосбережение, защиту окружающей среды. В промышленности, согласно докладу, основные усилия должны быть направлены на реформирование госпредприятий, внедрение современных методов корпоративного управления и разделения права собственности и права хозяйствования. Это потребует в некоторых случаях постепенной диверсификации прав собственности, расширения частного сектора и развития конкуренции во всех отраслях промышленности, включая стратегические и системообразующие сектора.

Относительно финансовой сферы, авторы доклада рекомендуют дальнейшую коммерциализацию банковской системы КНР, постепенный перевод

банковских ставок на рыночную основу, создание благоприятных условий для интернационализации финансового сектора.

На рынке труда, Китаю надлежит поэтапно осуществить постепенную отмену обязательной прописки с тем, чтобы обеспечить свободу перемещения рабочей силы по всей стране.

Все эти меры, по которым Всемирный банк нашёл консенсус с китайским экспертным сообществом, в случае своей реализации бесспорно сделали бы экономику КНР как минимум ещё более транспарентной, с точки зрения американцев, разумеется без каких-либо стремлений к неадекватному копированию экономических моделей и институтов США.

Сообразно этому выстраиваются и внешнеполитические приоритеты экспертного сообщества «экономистов» в отношении Америки – поддержание продуктивной взаимозависимости, разумный компромисс по ключевым конфликтным темам: валютная проблема, обоюдный протекционизм, Тайвань, противостояние в АТР, территориальные конфликты. В широком плане этот подход предполагает большую открытость и «глобализм», понимаемый как соответствующее китайским целям развития взаимодействие со сложившимися реалиями и институтами мироуправления и мировой экономики.

Безопасность и геополитка: дефицит доверия

В военно-политической сфере, вопросах безопасности и геополитики отношения сторон продолжали оставаться менее стабильными и гармоничными, сохраняли дух соперничества и конкуренции. Эта конкуренция спорадически выливалась в довольно острые конфликтные рецидивы. В этих аспектах отношений наиболее остро проявляется дефицит понимания и доверия сторон.

Ситуативно центральным событием, предопределившим общую атмосферу военно-политических отношений, стало «перебалансирование» американской стратегии на регион АТР. К 2013 г. это уже наполнилось реальным содержанием, воплотилось в конкретные шаги. Восемь из 14 авианосных групп США в последнее время находятся в акваториях АТР. База американских морских пехотинцев в Австралии уже активно действует. Вашингтон активизировал свои военные связи с традиционными военными союзниками в регионе – Японией, Кореей, Австралией, Филиппинами, Сингапуром. Были проведены военно-морские манёвры – *RIMPAC*, индикатор действенности союзнических отношений.

Американская дипломатия активно развивала связи с Вьетнамом – ключевой военной силой в ЮВА. Были предприняты очевидные шаги восстановления действенных дипломатических отношений на многостороннем уровне с АСЕАН. Существенный элемент возвращения в регион – американская инициатива Транс-Тихоокеанского Партнёрства (ТТП), переговоры по которой активно велись на протяжении двух последних лет.

США не скрывают, что основной объект и мотив перенацеливания – Китай. Вышедший в 2013 г. очередной доклад Пентагона с анализом военной динамики Китая, говорит об этом без особой дипломатии, в откровенных выражениях.

Одна из центральных мыслей доклада заключается в том, что Китай рассматривает первые два десятилетия XXI века как «окно возможностей». При этом отсутствие «прозрачности» в развитии НОАК усиливает беспокойство

относительно её намерений. В КНР идёт полемика об актуальности установки Дэн Сяопина «сидеть тихо и не высовываться без особой надобности», высказанной им уже полтора десятилетия назад.

Авторы доклада подчёркивают, что стратегические мотивации КНР существенно изменились, отражая возросший объём её торговых и энергетических коммуникаций. Сообразно этому в военном строительстве НОАК проявился явный акцент на её морской компоненте. Он подпитан ресурсами, которые отсутствовали ещё десятилетие назад. Показателем растущих амбиций китайского флота, отмечается в докладе, является то, что Пекин начал демонстрировать свой флаг в акваториях 200-мильных экономических зон тихоокеанских стран без уведомления последних. За прошедший год флот КНР, в частности, неоднократно показывал флаг в районе о. Гуам и Гавайских островов, в том числе и во время прохождения там манёвров *RIMPAC*. Хотя США не рассматривают подобные действия флота КНР, как противоправные, сам Китай, по версии доклада, не придерживается аналогичной позиции, когда речь идёт о морской активности в его экономической зоне [3].

В марте 2013 г. Пекин объявил, что согласен принять участие в будущих морских манёврах *RIMPAC* вместе с флотами США и ряда тихоокеанских стран. Китай будет участвовать в отдельных видах программы манёвров, в основном в отработке спасательных операций.

Важным событием стал «спуск на воду» первого китайский авианосца «Ляонин» (Создан и оснащён на базе приобретённого у Украины в конце 1990-х годов недостроенного авианосца «Варяг»). Процесс доводки авианосца до уровня полной операционной готовности, вероятно, потребует трёх-четырёх лет.

В рамках следующего десятилетия, отмечается в докладе, модернизированный флот КНР будет в состоянии более эффективно поддерживать территориальные притязания КНР в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Наряду с этим, недостатки логистической поддержки (базы, пункты заправки и обслуживания) – ахиллесова пята операций китайского флота в дальних водах.

Оценивая состояние ракетно-ядерного потенциала КНР, авторы доклада отмечают, что стратегические силы КНР включают 93 баллистические ракеты наземного и морского базирования. При этом Китай суммарно располагает 800–900 ядерными зарядами различных типов*. В докладе подчёркивается, что основные китайские ракетные программы, включая баллистические и крылатые ракеты, находятся на высоком технологическом уровне, вполне сопоставимом с американскими и российскими разработками.

Особое внимание на Западе в последнее время уделяют двум аспектам китайских возможностей сдерживания, как стратегического, так и нестратегического характера.

Первое – многочисленные тоннельные комплексы, которые, как считают, представляют собой места дислокации ударных ракет. Это, во-первых, значительно повышает живучесть ракетных комплексов, а соответственно и эффективность ответного ядерного удара. Во-вторых, в тоннельных сооружениях может находиться существенный потенциал неучтённых, «скрытых» ракет, что также делает ответный удар опаснее.

* По некоторым источникам эта цифра занижена как минимум вдвое. Такой вывод эксперты делают на основе существующих китайских мощностей по производству расщепляющихся ядерных материалов [2].

Второй особенностью китайских сил сдерживания на Западе называют многочисленный сегмент китайских ракет РСМД и ОТР в неядерном оснащении. Эти ракеты, по оценкам американских экспертов, способны быть эффективным средством борьбы с флотом США в прилегающих к КНР акваториях, а также для «хирургического удара» по Тайваню и американским базам в Японии и Южной Корее. Разные модификации китайских РСМД могут держать под прицелом авианосные группы противника в радиусе до 3200 км [1]. Столь широкий охват значительно перекрывает дальность действия палубной авиации американских авианосцев.

Китай, согласно докладу Пентагона, опирается на импорт вооружений для того, чтобы закрыть бреши в обеспечении НОАК по ряду критических позиций. В частности китайский военпром не в состоянии производить на должном уровне силовые установки для своей авиации. НОАК хотела бы заполучить от России ракетные комплексы *S-400*, дальность действия которых достигает 400 км. Тем временем по заказу НОАК ведутся работы над совершенствованием оригинально китайских систем ПВО с целью увеличить их дальность до 200 км. Китай также работает над доводкой и усовершенствованием своего истребителя пятого поколения *J-20* с применением технологии «стелс» [3].

Оценки Пентагона красноречиво демонстрируют информационную и пропагандистскую парадигму, сквозь призму которой американское государство видит и оценивает своего китайского соперника. В этом анализе сильны недоверие и тревога, налицо предвзятые политико-стратегические экстраполяции. Стороннему наблюдателю понятно, что рост материальных ресурсов китайского государства, импульсы его экономики, трансформирующиеся внешнеэкономические интересы, требования энергетической и сырьевой безопасности диктуют подвижную, соответствующую параметрам архитектуру военно-стратегического баланса КНР. В эту структуру естественным образом включаются, такие ранее не существовавшие у Китая приоритеты как эффективная оборона торговых и энергетических коммуникаций, расширение логистической базы для действий флота, более эффективные средства ответного удара.

Наращивание военного потенциала и степень его стратегической опасности, а уж тем более мотивации и планы по его применению – это всегда проблема интерпретации. Тональность и степень алармизма в этом толковании прямо связана с уровнем «стратегического» и внешнеполитического доверия сторон.

Уместно привести высказывание одного китайского эксперта на этот счёт: «Из-за тесных экономических связей Америка не может представить Китай своим реальным соперником. Однако это не мешает ей в военном смысле представлять его соперником потенциальным. Взять например недавний шум на Западе по поводу успешных испытаний *J-20* (истребитель пятого поколения). Несмотря на выражавшееся по этому поводу «удивление», сетование по поводу американского «просчёта» многие в Америке радовались этим испытаниям. Потребуется ещё несколько лет, для того чтобы *J-20* реально встал на вооружение, однако уже сейчас этот истребитель служит весомым аргументом в оценке «китайской угрозы» [11].

Важным индикатором состояния двусторонних военно-политических отношений традиционно считаются взаимоотношения сторон по проблеме Тайваня. Несмотря на некоторую стабилизацию связей между материком и «мятежной провинцией» после прихода к власти администрации Ма Иньцзю в 2008 г., не все векторы динамики в тайваньском вопросе полностью устраивали амери-

канцев. Администрация Обамы придерживалась мнения, что нынешнее тайваньское руководство снизило планку своей ответственности за поддержание безопасности острова. Тайваньское руководство осуществляет переход к комплектации своих вооружённых сил на контрактную основу, что проходит, как считают многие аналитики, без достаточного финансирования. Всё это негативно сказывается на боеспособности тайваньской армии. Расходы бюджета на оборону острова начиная с 2009 г. не просто почти не растут, а в отдельные года за прошедшее пятилетие даже сокращались [7].

Согласно «Закону о Тайване» администрация США несёт обязательства по обеспечению острова современным оружием, количество и качество которого почти всегда вызывает нарекания у Пекина. В 2010 и 2011 гг. администрация Обамы дала санкцию на поставку очередной партии вооружений Тайбею, общим объёмом около 12 млрд. долл. Несмотря на формальную «независимость» процедуры поставок от мнения Пекина, давление КНР на их масштаб и номенклатуру явно имеет место. «Эффективность» подобного давления в разные периоды отношений неодинакова. Тот факт, что администрация Обамы в этот раз отказала Тайбею по ряду чувствительных для него позиций, говорит о действенности нажима КНР. Не был удовлетворён, в частности, запрос Тайваня на передовые модификации истребителей (*F-16C/D*), а также совместные проекты по разработке подлодок продвинутого уровня.

Территориальные претензии КНР в Восточно-Китайском (ВКМ) и Южно-Китайском (ЮКМ) морях всё больше внедряются в повестку дня китайско-американских отношений. Занимая формально нейтральную позицию, Вашингтон в последние годы всё очевиднее демонстрирует Пекину реальность своих военно-политических гарантий, предоставляемых участникам этих конфликтов, в первую очередь Японии и Филиппинам. Жёсткость противостояния сторон по данному вопросу как минимум не снижается.

Похоже что стороны считают, что «прогиб» по этому вопросу ни для кого неприемлем. Для Китая этот вопрос связан со стратегической значимостью свободы морских коммуникаций в зоне «второй линии островов». Под эту задачу заложены ключевые программы морских вооружений КНР, и от прогресса в её достижении Пекин не намерен отступать. Как уже отмечалось слабостью китайского флота считается его недостаточная логистическая инфраструктура (базы, пункты обслуживания и заправки). Хотя указанные конфликтные территории в двух этих морях непосредственно не могут способствовать решению таких проблем, как отсутствие пунктов ТО и дозаправки, без урегулирования территориальных проблем трудно продвигаться к дальнейшему развитию морской логистики.

Упор в морской стратегии Китая на акватории «трёх линий островов», весьма укоренившийся в менталитете китайских военных *«decision-makers»*, вряд ли существенно уменьшится на нынешнем этапе военно-морского строительства КНР. В этой связи маловероятно, что территориальный спор в ЮКМ и ВКМ снизится в приоритетности для Пекина.

Во внутривластном плане, а он достаточно важен в нынешних условиях интенсивной критики КПК, позиция Китая по территориальным вопросам – важный индикатор «твёрдости» и «эффективности» курса Китая на международной арене. Си Цзиньпин, считающийся более «своим» в китайском

генералитете, чем его предшественник, не будет растрчивать этот нужный для него политический актив^{*}.

Для Америки твёрдость в этом вопросе также имеет свою цену, и она достаточно высока. Прежде всего, это важный сигнал союзникам о реальности американского «возвращения в регион». Япония, Филиппины, Тайвань, Южная Корея, и частично Вьетнам, должны знать, что они не останутся один на один с китайскими ВМС в случае возникновения и эскалации напряжённости. Форма американской поддержки будет варьировать и соответствовать масштабу вызовов, но в наличии этой поддержки не должно быть ни малейшего сомнения.

Американцев не менее волнует и собственно стратегический аспект. Закрепляясь в регионе двух китайских морей, флот НОАК становится менее уязвимым для американских баз в регионе. Стратегическая значимость сети американских баз в регионе будет несколько разбавлена китайским присутствием в прибрежных акваториях. Военная стратегия КНР, ориентированная на ограничение доступа к береговой линии КНР продвинется на небольшой шаг вперёд.

Знаковые события, вполне вписывающиеся в подобную логику сторон произошли в конце ноября 2013 г. Китай объявил о создании «зоны воздушной безопасности» в Восточно-Китайском и Жёлтом морях, «предписав» всем воздушным судам, пересекающим этот сектор, предварительно оповещать наземные службы Китая, сообщать маршрут, курс и график полёта. Несмотря на то, что официальный Токио и Сеул выступили с решительным протестом, частные авиакомпании этих стран, в интересах безопасности пассажиров, на начальном этапе согласились с выдвинутыми требованиями китайской стороны.

Инициативу по «постановке НОАК на место» взяли на себя США. Два B-52 совершили демонстративный пролёт в означенном секторе воздушного пространства КНР без какого-либо оповещения китайской стороны. ВВС НОАК оставили этот демарш без ответа.

В какой степени обострение ситуации вокруг Дяоюйдао/Сенкаку способно усугубить китайско-американские отношения? Где проходит «красная черта» для обеих сторон.

Отвечая на этот вопрос, следует отметить, что китайско-американские отношения сложны и многовекторны по мотивациям *pro* и *contra*. Механизм выработки решений сложен и мало прозрачен. Особенно непросто разобраться в китайской бюрократии, большое значение для которой имеют символические шаги, не всегда адекватно трактуемые американцами. В такой ситуации возможны непредсказуемые конфликтные инциденты.

«Красной чертой» для китайской стороны, вероятно, могут стать какие-либо действия оппонентов – решения международных судов, размещение объектов гражданской инфраструктуры, появление жителей, осуществление какой-либо хозяйственной деятельности, которые прямо или косвенно подкрепляли бы их права на спорные территории. Для США, видимо, такой «красной чертой» станут любые меры китайской стороны, направленные на «продавливание» своей

^{*} На этот счёт существуют и противоположные мнения. Некоторые наблюдатели склонны полагать, что высокая внутриполитическая приоритетность «территориальной темы» в КНР будет снижаться сообразно снижающейся роли военных во внешнеполитическом целеполагании КНР. В составе Постоянного Комитета Политбюро ЦК КПК не было ни одного «чистого» военного, начиная с 1997 г. В составе нынешнего Политбюро только четыре человека из 25 имеют какой-либо военный опыт.

юрисдикции над спорными территориями, подобно таким, которые имели место в ноябре 2013 г. Ответные американские действия это наглядно подтверждают.

Можно резюмировать, что основными сферами несогласия сторон в военно-политической области по-прежнему остаются следующие конфликтные темы и процессы. США болезненно реагируют на «опасное», неадекватное «нормальному» развитию усиление военных возможностей КНР и рост китайского военного бюджета, увеличение морской активности и расширение диапазона действий китайского флота, ракетно-ядерное «нависание» НОАК над Тайванем, отказ от гарантий мирного способа решения тайваньской проблемы, гипертрофированная секретность развития ракетно-ядерных сил, сохраняющаяся «антисверхдержавная» философия в вопросах ядерного разоружения и контроля над вооружениями. КНР раздражает отсутствие реальной мотивации к ракетно-ядерному разоружению США, чрезмерное военное присутствие Вашингтона в АТР, наличие сети военных баз в регионе, активизация связей с традиционными союзниками и поиск новых партнёров на анитайваньской основе, «окружение» Китая, ориентация на деградацию Северной Кореи вплоть до её полного коллапса на Корейском полуострове.

Заключение

Расположенные по обе стороны Тихого океана, Китай и Америка как два крупных сложившихся центра силы с центрами в евразийской и евроатлантической частях планеты, испытывают естественные обоюдные комплексы тревоги и небезопасности в отношении друг друга. Они стремятся максимально контролировать сопредельные акватории и территории, в первую очередь тяготеющие к Тихому океану, выстраивать геополитически ориентированные дипломатические коалиции для компенсации этой тревоги.

При этом международная «конфликтность» бывает разной степени, генезиса и форм реализации. Она занимает поле от ценностного диссонанса, несовпадений в мировидении, различных интерпретаций и оценок, индивидуальной трактовки тех или иных фактов и причинно-следственных взаимосвязей до откровенных, прямых и тайных действий, направленных на усечение и ослабление ресурсов и возможностей соперника, противодействие его планам, вплоть до прямого военного противостояния и физического уничтожения. Крайние формы такой конфликтности в отношениях КНР – США пока не проявляются.

Однако степень и характер китайско-американской конфликтности таковы, что нельзя исключить тотальную, горячую, полномасштабную форму решения существующих противоречий – войну, в любой «традиционной» (в прошлом известной) или потенциально «новаторской» конфигурации. Гипотетически война возможна, хотя для реализации горячего военного сценария нужно особое сочетание и вызревание конфликтных мотиваций сторон при условии неблагоприятного стечения ситуативных обстоятельств. Это сочетание пока не просматривается.

Дихотомия интересов в отношении Америки будет продолжать проявляться в рамках общей «равнодействующей» китайской стратегии с возможным преобладанием в разное время то компромиссных, то конфликтных импульсов. Многое зависит от направленности внутренних процессов в КНР, тех решений, которые будут приниматься в рамках эволюционирующей модели социально-экономического развития. Направленность этой модели на рыночные или государственнические алгоритмы в отношении стоящих перед

Китаем вызовов будет разворачивать КНР либо в сторону Америки, либо в сторону конфликта с ней.

При всей масштабности и специфике китайских проблем роста, при неизбежной необходимости идти в этом развитии своим путем, не копируя заокеанские образцы, «переходить брод, нащупывая камни», многие сущностные элементы, стандарты, хорошо зарекомендовавшие себя практики американского общества и экономики «обречены» на воспроизводство в Китае в сходной или модифицированной форме.

Это касается, в частности, методов государственного регулирования экономики с выходом на административное и хозяйственное право, разграничения интересов государства, частного бизнеса и наемного работника, создания стимулирующей налоговой системы, методов корпоративного управления, организации науки и образования, образовательных стандартов, государственных гарантий потребителю, механизмов взаимодействия бюрократии и гражданского общества.

Такое «воспроизводство» не приведет два общества к тотальной конвергенции, но может сделать их более сопоставимыми, транспарентными и понятными друг другу по системе своих внутренних ценностей и приоритетов.

Список литературы

1. Арбатов А., Дворкин В. Большой стратегический треугольник (<http://carnegie.ru/publications/?fa=51292>).
2. Есин В.И. Ядерная мощь Китая // Перспективы участия Китая в ограничении ядерных вооружений / Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 27–35.
3. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2013 (http://www.defense.gov/pubs/2013_china_report_final.pdf).
4. China-2030. Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society. The World Bank and Development Research Center of the State Council, The People's Republic of China 2012 (<http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/China-2030-complete.pdf>).
5. Shambaugh D. China Goes Global. N.Y., 2013. P. 40.
6. U.S.-China Strategic and Economic Dialogue Outcomes of the Strategic Track Department of State. Media Note. Office of the Spokesperson. Washington, D.C., 12.07.2013 (<http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/07/211861.htm>).
7. U.S.-Taiwan Relationship Overview of Policy Issues. CRS Report R41952. 18.11.2013 (<http://www.fas.org/sgp/crs/row/R41952.pdf>).
8. 阎学通 中国掘起. 天津. 天津 人民出版社 1997. P. 84.
9. 第五轮中美战略与经济对话框架下经济对话联合成果情况说明 (http://www.mfa.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1058578.shtml).
10. 第五轮中美战略与经济对话框架下经济对话联合成果情况说明 (http://www.mfa.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1058578.shtml).
11. 现阶段中美军事战略互信之不可能 (<http://column.creaders.net/columnViewer.php?id=297370&actid=290106>).